

«Культурно-историческая теория» и «культурно-историческая школа»: От мифа (обратно) к реальности*

П. Кайлер

Данное исследование представляет анализ истории возникновения и общественного использования выражений «культурно-историческая теория» и «культурно-историческая школа» и демонстрирует, что эти фразы не встречаются в текстах самого Выготского, но были введены в середине 1930х противниками и критиками Выготского с диффамационной целью при одновременном обвинении в серьезнейшем политически-идеологическом преступлении. В последующий период эти выражения, по мнению автора, в результате «идентификации с агрессором» были ассимилированы и, лишившись отрицательных коннотаций, были приняты для самообозначения одной из группировок советских психологов. В заключение автор ставит под сомнение эвристическую ценность понятия «научная школа» и подчеркивает необходимость принимать во внимание особенности и характеристики широко распространенной сети сотрудников, в рамках которой развивались теоретические концепции Выготского.

Л.С. Выготский, культурно-историческая теория, культурно-историческая школа, научная школа, неформальные личные связи.

В противовес общепринятому мнению, наименование «культурно-историческая теория» не является аутентичным названием концепции, разработанной Л.С. Выготским вместе с А.Р. Лурией, А.Н. Леонтьевым и большим количеством их сотрудников между 1927/28 и 1931/32 гг. Точно так же, наименование «культурно-историческая школа» не отражает того, как эти исследователи идентифицировали самих себя как исследовательский коллектив. Напротив, обе эти фразы были изначально введены в обиход в середине 1930х с обличительной целью, а затем были ассимилированы в качестве защитного механизма, который может быть интерпретирован как психологический механизм «идентификации с агрессором», открытый в практике психоанализа. По итогам периода хрущевской «Оттепели», когда некогда «преследуемые» оказались в роли «победителей», эти два наименования превратились в общепринятые, хотя и по ряду причин весьма сомнительные, клише.

1. Что касается правильного, т.е. соответствующего само-идентификации протагонистов, наименования теории (точнее сказать, более или менее открытой системе концепций и методов), анализ оригинальных источников (русскоязычных научных текстов и корреспонденции периода 1920х и 1930х) показывает, что сам Выготский как безусловный идейный лидер этого теоретического направления (ср. Леонтьев, 2003а) использовал такие обозначения:

1929: «и[нструментальная] п[сихология]», «культурная психология» (ср. письма Леонтьеву от 15 апреля и 23 июля 1929 г.: Puzyrej/Vygotsky, 2007, pp. 23, 26);

* Сокращенная версия оригинальной публикации статьи с идентичным названием (cf. Keiler, 2012), в переводе с английского на русский язык; перевод выполнен А. Ясницким.

1930: «историческая теория высших психологических функций» (см. введение к книге Леонтьева, озаглавленной «Развитие памяти», с иллюстративным подзаголовком «Экспериментальное исследование высших психологических функций»: Выготский, 2003, с. 31);

1930/31: «теория развития высших психологических функций» (см., например, обзор содержания 10 главы «Педологии подростка»: Выготский, 1931, с. 185);

1931/32: «концепция исторического развития высших психологических функций», «так называемая теория исторического (или культурно-исторического) развития в психологии», «теория высших психологических функций (логической памяти, произвольного внимания, речевого мышления, волевых процессов, и т.д.)» (см. самокритическое введение в книгу Леонтьева, подписанное, наряду с Выготским, и автором книги: Выготский и Леонтьев, 2003, с. 199 и далее);

1934 (незадолго до смерти Выготского): «историческая теория высших психологических функций» (см. по ряду положений важную работу Выготского «Психология и учение о локализации», поданную в качестве доклада на Первый Всеукраинский съезд невропатологов и психиатров, проходивший в Харькове в июне 1934 г.: Выготский, 1934а, с. 36).

Таким образом, «ядро» подлинного самонаименования для теоретического подхода Выготского, который с определенной степенью уверенности можно применить ко всем вариантам этой концепции между 1928 и 1934, это «теория высших *психологических функций*».¹ Тем не менее, это в целом правильное наименование в каждом конкретном случае требует уточнения в соответствии с конкретным объектом или определенным ракурсом исследования. Например, концепция, развившаяся Выготским в его патопсихологических исследованиях последнего периода его жизни может быть определена как «теория *дезинтеграции* высших психологических функций», в то время как более ранняя версия его теории (1928-30) должна быть определена как «инструментальная» (“instrumentalistic”).

2. В целом, *оригинальная версия* «теории культурно-исторического развития» (которую А.А. Леонтьев значительно позднее охарактеризовал как «классическую» культурно-историческую концепцию Выготского (Vygotzky's 'classical' cultural-historical conception)), cf. А.А. Leontiev, 2005, p. 43) может быть определена такими четырьмя основными характеристиками:

1) основная идея в том, что в психологическом развитии ребенка есть две линии («натуральная» и «культурная»), которые в определенный период в онтогенезе встречаются и сливаются вместе, причем таким образом, что становится трудно различить их и проследить курс их развития независимо друг от друга;

2) положение о том, что в процессе трансформации «натуральных» («низших», элементарных) психологических процессов в культурно-обусловленные «высшие»

¹ Уже в контексте своего раннего методологического установления, что предметом психологии является «целостный психофизиологический процесс поведения», который не может найти полное и адекватное выражение только в «психической части» (ср. СС, том 1, с. 137-141), Выготский «своеобразно, но принципиально различал психические и психологические процессы» (Брушлинский, 1968, с. 5, сноска). Таким образом, основываясь на этом концептуально и терминологически значимом различии, начиная с 1928 г., когда Выготский ввел этот термин в обиход, и до конца его дней, он последовательно использовал выражение «психологические функции» с такими атрибутами, как, соответственно, «высшие» и «натуральные», или «элементарные».

психологические функции «средства-стимулы», или же «психологические инструменты» играют решающую роль²;

3) предположение, что генезис, развитие «высших» (специфически человеческих) психологических функций (логическая память, произвольное внимание, речевое мышление, волевые процессы, и т.д.) проходит четыре стадии, последняя из которых может быть охарактеризована как «вращивание» или же «интериоризация» средств и способов, с помощью которых ребенок «овладевает» (т.е. учится контролировать, организовывать) своим собственным поведением,

4) применение «метода двойной стимуляции», также называемого «инструментальным методом» („Werkzeugmethode“)³.

Эта оригинальная версия «теории культурно-исторического развития высших психологических функций», иными словами, называемая «инструментальной» теорией, была документально зафиксирована в ряде публикаций, таких как статья Лурии “The problem of the cultural behavior of the child” (Luria, 1928), Выготского «Проблема культурного развития ребенка» и “The problem of the cultural development of the child” (Выготский, 1928//Vygotski, 1929), «Генетические корни мышления и речи» ([1929]; см. СС, том 2, с. 89-118), «Основные вопросы современной дефектологии» ([1929]; см. СС, том 5, с. 6-33), «Инструментальный метод в психологии» ([1930]; см. СС, том 1, с. 103-108), книги Леонтьева «Развитие памяти. Экспериментальное развитие высших психологических функций» ([1931/32]; см. Леонтьев 2003а), а также в книге Выготского и Лурии «Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок» (Выготский и Лурия, 1930//Luria & Vygotsky 1992). От оригинальной версии следует отличать две переработанные версии (*revised versions*).

Первая переработка (*first revision*) нашла свое документальное отражение в таких материалах, как а) доклад Выготского «о психологических системах» от 9 октября 1930 г. (см. СС, том 1, с. 109-131), б) архивный фрагмент рукописи без названия (озаглавленной впоследствии публикатором) «Конкретная психология человека» (см.. Выготский, 1986//Vygotsky, 1989)⁴, и с) 16 глава («16 задание») в «Педологии подростка» ([1931] см.. СС, том 4, с. 220-242). Эта первая переработка характеризуется рядом признаков:

1) отказ от принципа однонаправленного (*uni-linear*) формирования высших психологических функций и поворот к системному подходу, согласно которому в расчет должны быть приняты множественные взаимные связи (*mutual connections*) и взаимозависимости (*interdependencies*) между несколькими функциями;

² Соответственно, основной постулат «классического» подхода, сформулированный Выготским в его статье 1929 года «Основные проблемы современной дефектологии», выглядит так: «Искусственные приспособления, которые иногда по аналогии с техникой называют психологическими орудиями, направлены на овладение процессами поведения—чужого или своего, так же как техника направлена на овладение процессами природы. [...] Пользование психологическим орудием видоизменяет все протекание и всю структуру психологических функций, придавая им новую форму» (цит. по СС, том 5, с. 26).

³ Cf. немецкую версию резюме статьи Выготского “The problem of the cultural development of the child” (Vygotski, 1929, pp. 433 f.).

⁴ Как показывает анализ текста, этот фрагмент имеет безошибочно устанавливаемые параллели с текстом 16-й главы «Педологии подростка» (1931). Таким образом, датировка Пузырей (А.А. Пузырей—редактор и публикатор фрагмента) этого текста 1929 годом (ср. Пузырей, 1986а, с. 51//Puzyrei, 1989а, р. 54) не может быть принята как удовлетворительная, а особенно в свете того, что и сам Пузырей доводит датировку до абсурда, своей ремаркой (см. сноску 25), в которой он (косвенно) датирует этот текст началом 1930х (ср. 1986б, с. 65//1989б, р. 75).

2) формулировка базового принципа, согласно которому каждая высшая функция изначально была разделена (shared) между по меньшей мере двумя людьми и выступала, таким образом, как взаимный (reciprocal) психологический процесс;

3) созвучная с базовым принципом переформулировка концепта «интериоризации», согласно которой «высшая» психологическая функция, как, впрочем, любая «высшая» форма поведения, по своему происхождению является *социальной* формой поведения, т.е. должна вначале иметь характер внешней операции. Таким образом, функции памяти, мышления или внимания (упомянем лишь три таких функции) по своему происхождению суть внешние операции, включающие в себя использование внешних знаков и являющиеся определенной формой социальных отношений, такой формой, которая не может быть реализована без использования знаков. Следовательно, в процессе развития ребенка знак исходно представляет собой способ воздействия на других и только позднее становится средством воздействия на самого себя. Это и означает, что в процессе развития каждая внешняя функция «интериоризируется», то есть постепенно утрачивает черты внешней операции и трансформируется во внутреннюю функцию.

Вторая переработка (произошедшая по большей части в результате интенсивной критики) задокументирована в теоретико-методологической части текста, впоследствии опубликованного под приписанным названием «История развития высших псих[олог]ических функций» (см. Выготский, 1960, с. 13-223 или *СС*, том 3, с. 6-163//*Coll. works*, Vol. 4, pp. 1-119), т.е. в той части текста, которая была наверняка переработана в 1931⁵. Эта переработка характеризуется такими дополнительными положениями:

1) попытка дать новую интерпретацию базовой идее о двух линиях и их «слиянии» в процессе психологического развития ребенка: для этого была использована идея о «системах активности», со ссылкой на зоолога Дженнингса (Herbert Spencer Jennings), использовавшего это понятие еще в начале 20го века;

2) четкое концептуальное различие между орудиями и знаками (косвенным образом само-критика собственного же понятия «психологические орудия»);

3) усиленное подчеркивание *социальных* аспектов культуры в сравнении с ее «реальными» (т.е. ориентированными на материальные объекты) аспектами.

Тем не менее, затруднительным представляется как-либо классифицировать известную работу, озаглавленную «Орудие и знак в развитии ребенка», написанную в соавторстве Выготским и Лурией в целях публикации в «Учебнике детской психологии (*Handbook of Child Psychology*)» под редакцией К. Мёрчисона (Carl Allammore Murchison) (cf. Vygotsky & Luria, 1994). Основная трудность в том факте, что в соответствующей научной

⁵ Есть определенные основания полагать, что эта переработка теоретико-методологической части «Истории развития высших псих[олог]ических функций» (включавшей в себя пять глав и изначально озаглавленной как «Исследование высших психологических функций») в теоретическом отношении представляла собой значительный прогресс еще до того, как было написано само-критическое введение к книге Леонтьева, вышедшей в 1931-1932 с подзаголовком «Экспериментальное исследование высших психологических функций». В этом введении его автор (или авторы) утверждает, многие положения этой книги, завершённой и сданной в печать «более двух лет назад», были пересмотрены, углублены, уточнены и развиты в последовавших за этой книгой работах. Таким образом, можно считать, вполне обоснованным заверение Выготского о дальнейшем развитии его теории между 1929-1930, когда книга была завершена и подана в печать, и 1931-1932, когда книга была напечатана и выпущена в розничную продажу.

литературе этот текст, как правило, датируется 1930 годом⁶, то есть временем до основательной переработки теоретико-методологической части «Истории развития высших псих[олог]ических функций» — датировка, которая ни в коем случае не может удовлетворять следующим известным фактам. Важное исследование Гийома и Меерсона (Guillaume & Meyerson, 1930), показавших что шимпанзе, в своей деятельности использующие «инструменты», напоминают афазиков, впервые получает свое обсуждение у Выготского в его (предположительно совместной) работе “Tool and symbol” (cf. Vygotsky & Luria, 1994, pp. 111f.), и, несмотря на свою исключительную важность для всей теории Выготского в ее развитии⁷, ни разу не упоминается в тексте работы об «Истории развития», но появляется в его дискурсе вторично лишь в контексте предисловия Выготского к русскому изданию книги Курта Коффка «Основы психического развития» (см. СС, том 1, с. 257)⁸. С другой стороны, понятие Дженнинга «система активности», характерное для «Истории развития», не появляется ни в «Орудии и знаке», ни в каких бы то ни было других, ранних или более поздних работах Выготского. Следовательно, датировка «Орудия и знака» 1930 годом должна быть принципиально поставлена под сомнение (ср. в этом отношении библиографии Выготского в СС, том 6, с. 371, *Coll. works*, Vol. 6, p. 292, и в книге Выгодской и Лифановой, 1996, с. 402), хотя не представляется возможным сформулировать правильную датировку точнее чем «с наибольшей вероятностью *после* решительной переработки первых пяти глав Истории развития высших псих[олог]ических функций»⁹.

3. В соответствии с общепринятой практикой, рубрика «концепция культурно-исторического развития» поглощает в себя также и позднюю работу Выготского (1932-1934), в которой, равно как уже в некоторых работах «раннего» Выготского¹⁰, *социальность человека во всем разнообразии ее форм* подчеркивается как существенное (внутреннее) условие психологического развития. По поводу этой практики можно лишь повторить то, что уже однажды автор данной статьи высказал в других своих работах (cf. Keiler, 1991, 1997/99, 2002, 2005): такое терминологическое поглощение может быть оправдано только в свете вспомогательного теоретического построения. Это вспомогательное построение основано на поразительной близости между Выготским, а в особенности его поздней теории периода 1932-1934 гг., и, с другой стороны, взглядов немецкого философа-материалиста Людвиг Фейербаха (Ludwig Feuerbach, 1804–1872). Именно это сходство позволяет нам

⁶ Так указано еще в приложении к первому изданию «Мышления и речи» Выготского, озаглавленном «Перечень работ проф. Л.С. Выготского» (см. Выготский, 1934b, с. 321 и 323). Сомнительную историю публикации этого текста (в особенности его русской версии см. van der Veer & Valsiner, 1991, p. 188, и van der Veer and Valsiner в Vygotsky, 1994, p. 170.).—Примечание переводчика: см. также материалы 4 номера этого журнала за 2011 год, а также заочный диалог в этом номере журнала, проходящий после вводной статьи под названием «Орудие и знак» Л.С. Выготского как «невинная подделка».—А. Ясницкий.

⁷ Очевидно, что это наблюдение для Выготского служило ключом к осознанию качественных различий между «инструментальным мышлением» (К. Bühler, “Werkzeugdenken”) у человека и у шимпанзе: по выражению Бюлера, «понимание механических соединений и придумывание механических средств для механических конечных целей» (см. СС, том 2, с. 103) «гуманизируется» при посредстве речи.

⁸ Примечание переводчика: перевод книги Курта Коффка «Die Grundlagen der psychischen Entwicklung» вышел в издательстве Соцэкгиз в 1934 году (издание сдано в производство 1 июля 1933 г, а подписано к печати 21 января 1934 г.). Предисловие Выготского, однако, было написано ранее, когда-то в 1932-1933 году. По всей видимости, русское издание 1934 года является переводом второго издания немецкой версии 1925 года, за которой последовало основательно улучшенная версия второго английского издания 1928 года. Так или иначе, следует подчеркнуть, что эта книга в ее немецкой версии 1925 года не только оказала заметное влияние на Выготского «инструментального» периода, но и представлена многочисленными ссылками в его работах вплоть до самых последних дней его жизни —А. Ясницкий

⁹ А. Ясницкий датирует «Орудие и знак» (как мне кажется, правильно) как «не ранее 1931, вероятно 1932» (cf. Yasnitsky 2011a, p. 56).

¹⁰ См. Выготский, 1924; Выготский, 1925.

рассматривать концепцию культурно-исторической детерминации развития специфически человеческих психологических функций в таком более общем смысле, что человек, и в самом деле, обязан своим существованием природе, но при этом обязан своей *гуманностью* (*humanity*)—своим близким, культуре, истории (cf. FGW, Vol. 5, pp. 166 ff., and Vol. 10, p. 178).¹¹

В любом случае, следует отметить, что несмотря на все указанные переработки теории, «высшие психологические функции» оставались для Выготского центральной темой исследований и теоретизирования вплоть до его безвременной смерти в июне 1934 г. Эта тема имплицитно присутствует уже в его «ранней» борьбе с рефлексологией В.М. Бехтерева и «теорией высшей нервной деятельности» И.П. Павлова (cf. Keiler, 2002, pp. 79-88, 91-115); в то время еще не определившейся терминологически как оппозиция к теории «высшей нервной деятельности (поведения) животных». Используя по влиянию бихевиоризма в ту пору, в 1928-1930 гг., фразы «высшее поведение», соответственно, «высшая» и «культурная формы поведения» могут быть оценены как предварительная попытка воспользоваться тем самым «ключом ко всей проблеме психологии человека, пытающейся адекватно раскрыть подлинно человеческое содержание этой психологии», как выразился Выготский в своем предисловии к «Развитию памяти» Леонтьева (ср. Леонтьев, 2003, с. 31). Причем, следует помнить, задача стояла воспользоваться этим ключом таким способом, какой мог бы быть принят «мейнстримовой» русско-советской объективистской психологией того времени.

4. Наименование «культурно-историческая теория», будучи с лингвистической точки зрения своего рода «солецизмом» (т.е. трансформированной оригинальной фразой «теория культурно-исторического развития»), было введено в середине 1930х противниками и критиками Выготского (см. Размыслов, 1934//Razmyslov 2000; «Г.Ф.», 1936), с диффамационной целью, чтоб приписать «группе Выготского-Лурии», которую автор «Г.Ф.» именовал «культурно-исторической школой», близость к каким-то неидентифицированным представителям немецкой «Kulturpsychologie» – и это при одновременном обвинении в серьезнейшем политически-идеологическом преступлении.¹² В 1956 г., когда 20-й Съезд КПСС совпал с 60-летней годовщиной со дня рождения Выготского, эпитет «культурно-историческая» был канонизирован Леонтьевым и Лурией, которые в своей вводной статье к «Избранным психологическим исследованиям» Выготского (эта публикация 1956 г. ознаменовала собой начало официального «переоткрытия» Выготского), прибегнув к защите в нападении, сделали неверное, но весьма существенное заявление, что Выготский сам

¹¹ В этом отношении близость взглядов Выготского и Фейербаха, эксплицитно не упомянута, но очень удачно продемонстрирована в эпилоге М.Г. Ярошевского к шестому тому *Собрания сочинений* Выготского, где он в контексте обсуждения русской версии «Орудия и знака», рассуждает об идеях Выготского об «изначальной интеграции ребенка в микросоциальную общность, в недрах которой совершается чудо превращения его натуральных, простейших функций в высшие, культурно-исторические», процесс, который обеспечивается «орудиями и знаками, прежде всего речевыми знаками» (СС, том 6, с. 331). — Основу этой аргументации составляет конечно же фейербаховская «а-историческая» (т.е. универсально приложимая) идея, заключающаяся в том, что «*сущность* человека содержится лишь в общности, в *единстве человека с человеком*» (FGW, Vol. 9, p. 339). В соответствии с этой идеей и ее влияния на рассуждения о культуре как «непервичной» (см. Завершнева, Е.Ю.: «Записные книжки, заметки, научные дневники Л.С. Выготского: результаты исследования семейного архива», *Вопросы психологии*, 2008, №1, с. 132-145//cf. Zavershneva 2010, 30), Выготский в своей поздней работе мыслит культуру как производное явление, как «продукт социальной жизни и общественной деятельности человека» (СС, том 3, с. 145).

¹² Таким образом Размыслов охарактеризовал концепции «Лурии и его соратников» как «лженаучная реакционная, антимарксистская и классово враждебная теория» которая «на практике приводит к антисоветскому выводу» (ср. 1934, с. 83). В том же смысле «Г.Ф.» квалифицировал идеи Выготского как «идеалистическая, антимарксистская теория в психологии, приносящая большой вред практике» (1936, с. 94).

«первоначально называл свою психологическую концепцию культурно-исторической теорией психики» (ср. Леонтьев и Лурия, 1956, с. 7)¹³. В самом деле, в последующие годы предпринимались попытки ввести (скорее, реанимировать) другие наименования теории, такие как «теория культурно-исторического развития» (Леонтьев, 1959), «теория культурного развития» (Леонтьев, Лурия и Теплов, 1960), «теория развития высших психических функций» (Леонтьев, Лурия и Теплов, 1960; Петровский, 1967а)¹⁴, «теория исторического развития высших психических функций» (Петровский, 1967б), «теория высших психических функций» (Bruschlinski, 1967), «культурно-историческая теория 'высших' психических функций» (Брушлинский, 1968¹⁵; Будилова, 1972), «учение о развитии высших психических функций» (Будилова, 1972). Тем не менее, ни один из этих вариантов не принял широкого распространения в научном дискурсе, точно так же, как и не стал распространенным вариант, использовавшийся С.Л. Рубинштейном в обоих изданиях его книги «Основы общей психологии», наиболее близкий оригинальному названию теории: «теория культурного развития высших психических функций» (см., напр., Рубинштейн, 1940, с. 69 и далее; Рубинштейн, 1946, с. 102 и далее). То обстоятельство, что и вариант Рубинштейна, и попытки Брушлинского и Будиловой «гибридных версий», таких как «культурно-историческая теория высших психических функций» были полностью проигнорированы, могут быть интерпретированы как симптом того, что уже к концу 1960х— началу 1970х не только борьба за гегемонию в Советской психологии, но даже и борьба за сохранение «наследия» Рубинштейна потеряла актуальность среди самих «рубинштейнцев».

5. С другой стороны, весьма примечательно, что выражения «культурно-историческая теория» и «культурно-историческая школа» не используются ни Лурией в его послесловии к второму тому собрания сочинений Выготского, ни Д. Элькониным в его послесловии к четвертому тому, ни авторским коллективом в составе Э. С. Бейн, Т. А. Власова, Р. Е. Левина, Н. Г. Морозова и Ж. И. Шиф (все они—в прошлом сотрудницы Выготского) в их послесловии к пятому тому того же собрания сочинений. Так, Лурия (который не только в 1956 г., но еще однажды, в 1968 г. подписался под утверждением, что Выготский сам определил свою концепцию как «культурно-историческую теорию»¹⁶) в своем послесловии

¹³ Это утверждение симптоматично для, так сказать, второй фазы «идентификации с агрессором», в то время как свидетельства первой фазы встречаются уже в текстах Леонтьева в 1936, в его «Материалах о сознании», где он не только принял выражение «культурно-историческая теория» для обозначения идей Выготского, но и в то же время дистанцировался от этих идей, заявив, что «утверждается в психологии именно культурно-историческая теория, которую с исторической и философской точек зрения защищать невозможно» (курсив в оригинале, см. Леонтьев, 2003б, с. 366). Лишь четыре года спустя, в своей статье «Психология» в *Большой советской энциклопедии* Лурия и Леонтьев (Лурия и Леонтьев, 1940, кол. 525) встречаются в сжатом виде основные критические замечания в адрес Выготского, прозвучавшие в статье, под авторством «Г.Ф.». Впоследствии эти же аргументы прозвучат и во «введении» в несколько более развернутом виде.

¹⁴ Использование курсива здесь обозначает отклонения от оригинальной терминологии (и понятий) Выготского, согласно которой всюду он последовательно использовал выражение «психологические функции» (см. выше, сноска 1).

¹⁵ Н.В.: Брушлинский был хорошо осведомлен о том, что здесь должна была быть фраза «психологических функций» (там же, с. 5).

¹⁶ Озаглавленная так же, как и вводная статья к книге Выготского 1956 года, переводная статья 1968 года не является абсолютно идентичной репродукцией русской публикации (ср. Леонтьев и Лурия, 1956; Leontiev & Luria, 1968). Тем не менее, в отношении интересующего нас в первую очередь выражения, т.е. утверждения о том, что Выготский сам использовал выражение «культурно-историческая теория» как обозначение собственной психологической теории, то здесь русский и английский тексты в полном согласии: “That is why Vygotskii originally called his psychological conception the *cultural-historical theory of the psyche*, contrasting it with the idealistic interpretation of mental processes viewed as intrinsic primordial properties of the spirit and with the naturalistic concepts that saw no difference between the behavior of an animal and the mental activity of man.” (Leontiev & Luria 1968, pp. 341 f.; курсив в оригинале). — Всего за год до этой публикации Леонтьев

лишь неопределенно упоминает об «общепсихологической теории Л.С. Выготского» (см. СС, том 2, с. 466). Эльконин однажды использует выражение «теория развития высших психических функций» (СС, том 4, с. 386), а в другом случае упоминает «теорию высших психических процессов» (СС, том 4, с. 393). Бейн, Власова, Левина, Морозова и Шиф используют формулировку «общая психологическая теория высших психических функций» (СС, том 5, с. 335). Более того, в биографии Лурии мы имеем дело с полностью восстановленной оригинальной терминологией. Именно здесь, в контексте обсуждения теории Выготского он впервые использовал выражение «теория развития высших психологических функций у детей» (*theory of the development of higher psychological functions in children*; cf. Luria 1979, p. 126), а затем и «общая теория социо-исторического происхождения высших психологических функций» (*general theory of the sociohistorical origins of higher psychological functions*; там же, p. 156)¹⁷. Очевидно, что именно Леонтьев и, соответственно «группа Леонтьева» в составе так называемой «школы Выготского-Лурии-Леонтьева» (Davydov & Radzikhovskii, 1985, p. 35) или «школы Выготского-Лурии-Леонтьева» (Zinchenko, 1985, pp. 103-104) несут ответственность за усвоение и канонизацию аллохотонного, заимствованного наименования (см.. Леонтьев, 1936/2003д; Запорожец, 1959/1965; Леонтьев, 1967; Леонтьев, 1982; А.А. Leontiev, 2005), которое уже в конце 1960х (посредством приписывания Выготскому функции предшественника леонтьевской «неокультурно-исторического» подхода в конце 1950-х—начале 1960-х, а позднее как интеллектуального течения, предшествовавшего леонтьевскому варианту «теории деятельности») стало утрачивать критический и обличительный характер (см., например, Леонтьев, 1967; Юдин, 1978; Давыдов и Радзиховский, 1980а, 1980б; Леонтьев, 1982), и, наконец, уже в 1970е, когда «понятия, сформулированные Выготским» стали «широко распространены», тем самым сформировав «основание главной школы в советской психологии» (cf. Luria 1979, p. 52)¹⁸, превратилось в расхожий штамп, имеющий широкое международное использование для обозначения теории Выготского.

предпринял попытку подвести теоретическое основание под выражение «культурно-историческая теория» как обозначение теории Выготского, не замечая явно заимствованного характера этой фразы из советского обличительного дискурса: «На первый план выдвинулась проблема историзма психики, проблема перестройки психики под влиянием созданной человечеством культуры («культурно-историческая теория развития психики»»)» (Леонтьев, 1967, с. 18).

¹⁷ *Примечание переводчика:* Оба эти выражения были использованы автором в наиболее поздней редакции его книги, подготовленной для публикации на английском языке (1979) и вышедшей при этом за три года до публикации его автобиографии на русском языке (1982). Интересно, что фразе «теория развития высших психологических функций у детей» английской версии текста соответствует выражение «изучение развития высших психических функций у детей» русской версии текста (цит. по второму изданию: Лурия, Этапы творческого пути, М.: МГУ, 2001, с. 117) подготовленной к публикации после сверки с английским текстом и вышедшей под редакцией Е.Д. Хомской. Любопытно, что выражение английской версии «общая теория социо-исторического происхождения высших психологических функций» также отличается от фразы, использовавшейся в русской версии текста: «общая теория социо-исторического происхождения высших психических функций» (см. Лурия, 2001, с. 151). Очевидно, что русская версия текста заметно ближе, чем английская, к фразеологии, принятой в советских официальных публикациях 1970х-1980х годов. Ср., например, некролог А.Р. Лурии, опубликованный в «Вопросах психологии» в 1977 году, в котором утверждается, что «А. Р. Лурия в тесном содружестве с Л. С. Выготским и А. Н. Леонтьевым разрабатывал [...] теорию культурно-исторического развития психических процессов» (1977, № 5, с. 189) — А. Ясницкий..

¹⁸ N.V.: Здесь Лурия и вправду «очаровательно преувеличивает», ссылаясь на положение дел в (ранние) 1930е и прославляя ситуацию, которая на самом деле существенно отличалась от того, как он ее описывал (cf. van der Veer & Valsiner 1991). Но как квази-цитата, такое описание является абсолютно адекватным для характеристики положения дел в поздние 1960е и в 1970е, когда «группа Леонтьева-Лурии» вне сомнения установила свою гегемонию в советской психологии, что оказало значительное влияние также и на то, как обсуждение теории Выготского было организовано и проходило на международной арене.

6. В заключение следует сказать, что общепринятое наименование «культурно-историческая теория» не является «автохтонным», т.е. оригинальным обозначением теоретической концепции, разработанной Выготским в период от 1927/28 до 1934 (год его смерти) и участниками широкой сети его сотрудников. Таким образом, это выражение никогда не использовалось самим Выготским, равно как оно не было введено его сотрудниками, напрямую связанными с ним и разрабатывавшими его теорию в разнообразных областях наук о человеке. Точно так же, выражение «культурно-историческая школа» не обозначает подлинного самонаименования этой большой, географически и дисциплинарно распределенной группы исследователей, включавшую самого Выготского и его многих более или менее близких сотрудников. Напротив, оба наименования были изначально введены в обиход критиками Выготского, его сотрудников и их научной деятельности в середине 1930х в качестве расхожего выражения с уничижительными и обвинительными коннотациями. Впоследствии, в результате работы защитного механизма, который в психоанализе обозначается как «идентификация с агрессором», эти выражения были впервые лишь «приемлемыми», но, затем, когда в конце периода «оттепели» гонимые превратились в триумфаторов, эти фразы были конвертированы в расхожие клише. После вытеснения памяти об их постыдном источнике и в результате систематической фальсификации истории их происхождения, эти клише в наши дни полностью утратили былые негативные коннотации, но, в конечном счете, остаются в высшей степени проблематичными в ряде отношений. Таким образом, обозначение «культурно-историческая теория», помимо того, что оно является заимствованным из советского обличительного дискурса, не описывает адекватно ни разнообразия «вселенной» понятийного мира Выготского, ни процесса дифференциации и временами решительных поворотов, которые сделала теория Выготского в ходе ее развития в период с 1927/28 вплоть до самой последней ее фазы весной 1934 г. Точно таким же образом, проблематичным остается сборное понятие «культурно-историческая школа», которое по причине своей неопределенности и размытости служит целям мистификации, а потому точно так же должно быть отброшено как и порочное и неадекватное обозначение «культурно-историческая теория». Во-первых, как сборное понятие, эта фраза не дает достаточных оснований для определения того, кого именно включает эта «школа», а кого она не включает. Так, например, А. Ясницкий описывает «огромную сеть протагонистов», называет поименно, помимо самого Выготского, свыше тридцати научных деятелей обоого пола, завершая свое описание фразой «упоминаем лишь некоторых» (Yasnitsky, 2010, p. 6). Во-вторых, с одной стороны, обожествляя «глав», «основателей» и «лидеров» научных школ, а с другой стороны, приуменьшая роль «рядовых» исследователей, зачастую в исторической перспективе обреченных на практически полное забвение, столь удобное в использовании обозначение «научная школа» уравнивает, систематически стирает неповторимые индивидуальные различия между всеми теми непохожими исследователями, которые работали с Выготским в разное время, в разных институциях и географических регионах, с различной интенсивностью, продуктивностью и, что весьма существенно, вовлеченностью в исследовательскую программу Выготского. Собственно говоря, все эти различия впоследствии привели к образованию «конкурирующих исследовательских программ различных группировок внутри большой сети сотрудников и учеников Выготского (Vygotskian scholars)» (Yasnitsky *ibid.* – более подробно см.. Yasnitsky, 2011b). Таким образом, мистификации не удастся избежать всего лишь путем простого исключения из обихода выражения «культурно-историческая школа» и заменой его на «школа Выготского-Леонтьева-Лурии», или же, как вариант, «школа Выготского-Лурии-Леонтьева». И даже описательный термин «круг Выготского» (Vygotsky's circle), позаимствованный автором этой статьи из работы Шеерера (E. Scheerer) приблизительно 30 лет назад (cf. Keiler, 1981, pp. 118, 127), и в настоящее время активно используемый Ясницким (A. Yasnitsky), должен применяться с определенными ограничениями. Причина

тому то обстоятельство, что это выражение описывает лишь сеть связей, основанных на непосредственном профессиональном сотрудничестве или партнерстве, в центре которой находится Выготский, но не включает в себя такие «симметричные» социальные отношения как дружба и родственные узы или отношения, базирующиеся на почтовой корреспонденции. Также, при чрезмерном увлечении исследованием «круга Выготского» из сферы нашего внимания выпадают такие отношения сотрудничества, в которых Выготский не выступает в качестве интеллектуального или организационного «центра» (соответствующие ссылки см. в Keiler, 2002, pp. 37, 226, 383). При этом очевидно, что каждый из этих видов отношений своим образом и по-разному оказывал влияние на развитие «выготскианских» идей. Таким образом, есть необходимость в дальнейшей конструктивной работе по поиску подходящего понятия (и соответствующей ему терминологии).

Литература:

1. Bruschlinski, A.W. (1967). Die „kulturhistorische Theorie“ des Denkens [The “cultural-historical theory” of thinking]. In J.A. Budilowa et al., *Untersuchungen des Denkens in der sowjetischen Psychologie [Investigations of thinking in Soviet psychology]*. Berlin (GDR): Volk und Wissen.
2. Bühler, K. (1924). *Die geistige Entwicklung des Kindes [The mental development of the child]*. Jena: Verlag von Gustav Fischer.
3. Davydov, V.V. & Radzikhovskii, L.A. (1985). Vygotsky's theory and the activity-oriented-approach in psychology. In J.V. Wertsch (Ed.), *Culture, communication, and cognition: Vygotskian perspectives*.
4. Feuerbach, L. (1967 ff.). *Gesammelte Werke [Collected Works]* (= FGW). Herausgegeben von (Edited by) W. Schuffenhauer. Berlin: Akademie Verlag.
5. Guillaume, P. & Meyerson, I. (1930). Recherches sur l'usage de l'instrument chez les singes. I: Le problème du détour. *Journal de Psychologie normale et pathologique*, 27, 177-236.
6. Keiler, P. (1981). Isomorphie-Kon_6272.93 3(-40262400110003-69024C025A5026460260025

12. Koffka, K. (1925). *Die Grundlagen der psychischen Entwicklung [The fundamentals of psychical development]*. Osterwieck am Harz. A.W. Zickfeldt.
13. Leontiev, A.A. (2005). The life and creative path of A.N. Leontiev. *Journal of Russian and East European Psychology, Vol. 43, (3), 8-69*.
14. Leontiev, A.N. & Luria, A.R. (1968). The psychological ideas of L.S. Vygotskii. In B.B. Wolman (Hg.), *Historical roots of contemporary psychology*. New York: Harper and Row.
15. Luria, A.R. (1928). The problem of the cultural behavior of the child. *Journal of Genetic Psychology, 35, 493-506*.
16. Luria, A.R. (1979). *The making of mind. A personal account of Soviet psychology*. Edited by M. Cole & S. Cole. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
17. Luria, A.R. & Vygotsky, L.S. (1992). *Ape, primitive man, and child. Essays in the history of behavior*. New York/London/Toronto etc.: Harvester Wheatsheaf.
18. Puzyrei, A.A. (1989a). An unpublished manuscript by Vygotsky. *Soviet Psychology, 27(2), 53-54*.
19. Puzyrei, A.A. (1989b). Notes. *Soviet Psychology, 27(2), 73-77*.
20. Puzyrei, A.A./Vygotsky, L.S. (2007). In memory of L.S. Vygotsky (1896-1934). L.S. Vygotsky: Letters to students and colleagues. *Journal of Russian and East European Psychology, 45, (2), 11-60*.
21. Razmyslov, P. (2000). On Vygotsky's and Luria's „cultural-historical theory of psychology“. In R. van der Veer (Ed.), *Criticizing Vygotsky, 45-58*.
22. Van der Veer, R. (Ed.) (2000). *Criticizing Vygotsky (= Journal of Russian and East European Psychology, Vol. 38(6))*.
23. Van der Veer, R. & Valsiner, J. (1991). *Understanding Vygotsky: A quest for synthesis*. Oxford UK/Cambridge USA: Blackwell.
24. Vygotski, L.S. (1929). The problem of the cultural development of the child. *Journal of Genetic Psychology, 36, 415-434*.
25. Vygotsky, L.S. (1987-1999). *Collected works (grammologue: Coll. works), Vols. 1-6*. Edited by R.W. Rieber et al. New York: Plenum.
26. Vygotsky, L.S. (1994). *The Vygotsky reader*. Edited by R. van der Veer & J. Valsiner. Oxford UK/Cambridge USA: Blackwell.
27. Vygotsky, L.S. (1989). [Concrete human psychology]. *Soviet Psychology, 27(2), 54-73*.
28. Vygotsky, L. & Luria, A. (1994). Tool and symbol in child development. In L.S. Vygotsky, *The Vygotsky reader*.
29. Yasnitsky, A. (2010). Guest editor's introduction. „Archival revolution“ in Vygotskian studies? Uncovering Vygotsky's archives. *Journal of Russian and East European Psychology, 48 (1), 3-13*.
30. Yasnitsky, A. (2011a). The Vygotsky that we (do not) know: Vygotsky's main works and the chronology of their composition. *PsyAnima, Dubna Psychological Journal, 4 (4), 53-61*.
31. Yasnitsky, A. (2011b). Vygotsky Circle as a personal network of scholars: Restoring connections between people and ideas. *Integrative Psychological and Behavioral Science, 45 (4), 422-457*
32. Zavershneva, E.Iu. (2010). The Vygotsky family archive (1912-1934). *Journal of Russian and East European Psychology, 48 (1), 14-33*.
33. Zinchenko, V.P. (1985). Vygotsky's ideas about units for the analysis of mind. In J.V. Wertsch (Ed.), *Culture, communication, and cognition: Vygotskian perspectives*.
34. Бейн, Э.С., Власова, Т.А., Левина, Р.Е., Морозова, Н.Г. и Шиф, Ж.И. (1983). Послесловие. // Л.С. Выготский, *Собрание сочинений (= СС), Том 5*.
35. Брушлинский, А.В. (1968). *Культурно-историческая теория мышления. (философские проблемы психологии)*. Москва: Изд-во «Высшая Школа».

Международного университета природы, общества и человека «Дубна»
Dubna Psychological Journal

ISSN 2076-7099
Кайлер / Keiler
№ 1, с. 34-46, 2012
a.r7

58. Леонтьев, А.Н. (2003). *Становление психологии деятельности. Ранние работы*. Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева и Е.Е. Соколовой. Москва: Смысл.
59. Леонтьев, А.Н. (2003а). Развитие памяти. // А.Н. Леонтьев, *Становление психологии деятельности. Ранние работы*.
60. Леонтьев, А.Н. (2003b). Материалы о сознании. // А.Н. Леонтьев, *Становление психологии деятельности. Ранние работы*.
61. Леонтьев, А.Н. и Лурия, А.Р. (1956). Психологические воззрения Л.С. Выготского // Л.С. Выготский, *Избранные психологические исследования*.
62. Леонтьев, А.Н., Лурия, А.Р. и Теплов, Б.М (1960). Предисловие. // Л.С. Выготский, *Развитие высших психических функций. Из неопубликованных трудов*.
63. Лурия, А.Р. (1982). Послесловие. // Л.С. Выготский, *Собрание сочинений (= СС), Том 2*.
64. Лурия, А. и Леонтьев, А. (1940). Психология. // *Большая советская энциклопедия, Том 47*. Москва: ОГИЗ РСФСР.
65. Петровский, А.В. (1967а). *История советской психологии. Формирование основ психологической науки*. Москва: Изд-во просвещение.
66. Петровский, А.В (1967б). Советская психологическая наука на подъеме. *Советская Педагогика, XXXI*, (11), 48-60.
67. Пузырей, А.А. (1986а). Неопубликованная рукопись Л.С. Выготского. *Вестник Московского Университета, Серия 14, Психология* (1), 51-52.
68. Пузырей, А.А. (1986б). Примечания. *Вестник Московского Университета, Серия 14, Психология* (1), 63-65.
69. Размыслов, П. (1934). О «культурно-исторической теории психологии» Выготского и Лурия. *Книга и пролетарская революция*, (4), 78-86.
70. Рубинштейн, С.Л. (1940). *Основы общей психологии*. Москва: Государственное учебно-педагогическое Изд-во НАРКОМПРОСА РСФСР.
71. Рубинштейн, С.Л. (1946). *Основы общей психологии. Издание второе*. Москва: Государственное учебно-педагогическое Изд-во Министерства просвещения РСФСР.
72. Эльконин, Д. Б. (1984). Послесловие. // Л.С. Выготский, *Собрание сочинений (= СС), Том 4*.
73. Юдин, Э.Г. (1978). *Системный подход и принцип деятельности*. Москва: Наука.
74. Ярошевский, М.Г. (1999). Эпилог. // Л.С. Выготский, *Собрание сочинений (= СС), Том 6*.

Сведения об авторе

Кайлер (Peter Keiler) – профессор, Открытый университет, Берлин (apl. Professor, Freie Universität Berlin)

E-mail: keiler@zedat.fu-berlin.de